



Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 4-2007 (21)

Митр. Антоний Сурожский О ПРЕОБРАЖЕНИИ ГОСПОДНЕМ

Бывают в духовной жизни, но даже и в самых простых моментах человеческой жизни, мгновения, которые так прекрасны, так дивны, что хотелось бы, чтобы время, жизнь, вечность на них остановились и никогда ничего другого не случилось бы.

Это произошло с Апостолами, которых Христос взял с Собой на гору Преображения, и это выразил Петр, когда сказал: Господи! Нам здесь хорошо! Построим три кущи – Тебе одну, Моисею одну, одну Илию, и останемся здесь, осиянные этим невещественным, Божественным светом, окутанные этим дивным покоем... Ни Петр, ни другие Апостолы не заметили того, что потом они сами повели другим: что Христос преобразился – то есть явился в сиянии вечной славы – в момент, когда Моисей и Илия говорили с Ним о грядущем Его восходе в Иерусалим и распятии.

Здесь, как и в стольких местах Нового Завета, мы видим, что, как и мы, Апостолы способны уловить светлое, дивное – и так часто пройти мимо того, чего Христу это стоит. Святой Серафим Саровский, говоря с одним из своих посетителей, сказал ему: Проси у Бога именем Христа то, что тебе нужно, но помни: какой ценой Христос получил власть тебе это даровать... Этим он хотел сказать: Не проси ни о чем, что недостойно Божией крестной любви, смерти, распятия Спасителя Христа...

Как и Апостолам, в моменты самые светлые нам хотелось бы, чтобы время остановилось и чтобы нам пребыть навсегда – в чем? – в забытии! Чтобы нам навсегда забыть, что в нашей жизни и в жизни других людей порой происходит страшное: что бывает

одиночество, бывает болезнь, бывает страх, бывают ужасы всякого рода; хотелось бы войти в этот дивный покой преображенного мира, которого мы все ожидаем, но который еще не явлен, еще не стал действительностью. В него мы должны верить, его мы порой имеем возможность пережить с большой, преображающей нас глубиной. Но мы должны помнить, что это переживание нам дано для того, чтобы принести в темный, скорбный, холодный мир сияние Преображения.



Когда Моисей на Синайской горе стоял перед Богом, озаренный Божией славой, он так приобщился к ней, что, когда спустился с горы, люди не могли вынести сияние его лица. Вот какими мы должны бы быть, когда переживем земное или небесное чудо, чудо преображения. И то, что случилось с Апостолами, то, что случилось с Моисеем, должно случиться и с нами: ни Моисей не остался на горе Синайской в видении Божиим, говоря с Богом, как друг говорит с другом; ни Апостолам не было дано остаться на дивной горе Преображения; Христос сказал им: Пойдем отсюда...

И пришли они в долину, на равнину палестинскую, и застали там то, о чем мы слышали сегодня: неизбывное горе отца, родителей, друзей от того, что неисцельная болезнь поразила ребенка, и еще, может быть, более скорбный ужас о том, что и ученики Христовы, к которым обращался отец, ничем не смогли помочь – помог только Христос. Помог Он тем, что исцелил ребенка; но когда ученики Его спросили – Почему мы не смогли этого сделать? – Он им сказал: Этот род изгоняется только молитвой и постом.

И вот нам дается, по временам, это переживание преображенного мира, переживание чего-то дивного, божественного – вошедшего в жизнь. И, пережив это, мы должны это сохранить как самое драгоценное и войти в мир для того, чтобы этим поделиться. Поделиться же этим мы сможем, только если возьмем на себя подвиг поста и молитвы: не только вещественного, физического поста, но воздержания от всего, что центром своим имеет нас самих, от всякого себялюбия, всякого эгоизма, всякой жадности душевной или духовной, а не только телесной, от желания всякого обладания... И это мы можем осуществить, только если мы будем молиться; и опять: не только произносить молитвенные слова, не только как бы заставлять себя войти в мысль и дух святых, но всеми силами стремиться к тому, чтобы в тусклом, темном, осиротелом мире оставаться в общении с Живым Богом, Который есть и свет, и радость, и жизнь...

Подумаем о Преображении; подумаем о нашем опыте преображенного мира, о тех мгновениях или периодах, когда мы внутри и вокруг нас было озарено действительно Божественным светом; и с этим светом пойдем к каждому человеку, во все обстоятельства жизни, и принесем туда свет Христов. Аминь.

К четвертой годовщине кончины митрополита Антония Сурожского.

Александр Кырлежев
ПРЯМАЯ РЕЧЬ ВЛАДЫКИ АНТОНИЯ



Митрополит Сурожский Антоний относится к тем людям, которых называют «уникальными», имея в виду невозможность сказать о человеке самое главное с помощью одного или нескольких общепонятных определений.

Он вырос в Париже в эмигрантской среде, в России практически не жил – родился в семье российского дипломата в Лозанне. Окончив два факультета Сорбонны, биологический и медицинский, стал врачом-хирургом, но уже в 25 лет принял тайное монашество. Был на фронте, участвовал в Сопротивлении, затем продолжал медицинскую практику. Лишь в 1948-м он стал священником и вскоре переехал в Англию, где прожил более полувека.

Живя на Западе, он всегда принадлежал к Московской патриархии, считая это формой солидарности с гонимой в СССР Церковью. В 1957 г. его возвели в сан епископа, а с начала 60-х он неоднократно приезжал в Москву. В это время и началась его «российская проповедь»: реальная – в храмах и узких, по большей части интеллигентских кружках и «виртуальная» – посредством магнитофонных записей и машинописных, а затем и ксерокопированных текстов. Кроме того, долгие годы он постоянно выступал в религиозных передачах Русской службы Би-би-си.

Масштаб влияния митрополита Антония в советское время определить трудно, но о том, что оно продолжилось и расширилось после 1991 г., свидетельствует одна цифра: общий тираж его книг, изданных в России и других постсоветских странах, превысил 700 тыс. экземпляров (это не считая публикаций в периодических изданиях, особенно многочисленных в перестроечное время).

В Англии владыка Антоний приобрел общенациональную известность. Он не ставил целью «обращать в православие», но, как сам говорил, просто проповедовал Евангелие везде, куда приглашали: в англиканских храмах, в университетах, в коммунах хиппи, участвовал в радиодиспутах с атеистами. В начале 80-х глава Церкви Англии архиепископ Кентерберийский сказал: «Народ нашей страны – христиане, скептики и неверующие – в огромном духовном долгу перед митрополитом Антонием». Впрочем, и число подведомственных Антонию православных общин за годы его епископства возросло с одной до 32, причем теперь большинство их членов и священников – британцы.

В последние десятилетия минувшего века голос владыки Антония был одним из самых авторитетных в христианском мире и за его пределами. Он проповедовал в Нотр-Дам в Париже и в американской

провинции, а также в экуменических собраниях. В 1990 г. был одним из кандидатов на выборах Патриарха Московского и всея Руси. А Григорий Померанц недавно назвал его имя в числе трех «великих созерцателей минувшего века», наряду с писателем-монахом Томасом Мертоном и философом Мартином Бубером. Так кем же он был? Прежде всего, конечно, проповедником веры. Но уникальность его не в этом – разве мало теперь религиозных агитаторов, тысячами вербующих адептов в свои общины?

Его особенность в обратном: он никого не вербовал. Проповедуя, он никогда не произносил проповедей. И не написал ни одной строчки: все его книги – записи устных выступлений и бесед. Но и сказать, что Бог наделил его даром слова, тоже не совсем точно, потому что все произнесенное им не пример красноречия, даже в благородном древнем значении. Скорее, Антония Сурожского можно назвать человеком прямой речи – в самом глубоком, сущностном смысле. Речи как способности выражать в разговоре с другими свой личный духовный опыт, в истинность которого веришь сразу и безоговорочно. В его лице мы встречались не со священником или богословом как «специалистом по религиозным вопросам», а с человеком, для которого вера и жизнь – одно, так что и религия не подавляет жизни, и жизнь не отталкивает от себя религию.

А потому и православие, голосом которого он был и остается, – это православие, лишненное помпезности, не стремящееся к власти и внешнему успеху. Скорее, это продолжение традиции древних русских нестяжателей, которую можно обозначить пословицей «Бог не в бревнах, а в ребрах». Религия в масштабе человеческой личности. Такова проповедь – и заповедь – Антония Сурожского. Она не нова, потому что это то, о чем говорит Евангелие. Но в каждую эпоху миру нужны люди, которые являют собою реальность веры как жизни. Особенно сегодня, когда мы стали свидетелями религиозного возрождения в секулярном мире.

«Еженедельный журнал». 2003. № 31-32. С. 42.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Помните наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

III век

Путь отцов*

КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ († около 258)

ТЕРТУЛИАН И КИПРИАН

Киприан не только сознавал свою зависимость от Учителя, свою неполноценность рядом с ним, но подавил ради него некоторые свои способности и готов был следовать за ним как на привязи.

В Киприане прежде всего впечатляет не писатель, а человек и епископ. Он замечателен не вспышками гениальности, а психологической тонкостью. Лучшее представление о нем даст врезанный, а не рельефный портрет. Тертуллиан внушает, Киприан объясняет, в нем не меньше своеобразия, но своеобразия более тонкого, уравновешенного. Африка рождала совершенно разных сыновей.

Киприан отличался качествами, которых не хватало Тертуллиану: сдержанностью, участливостью, обходительностью, благоразумием, вкусом к порядку и согласию. Он был рожден для общественной должности. Останься он язычником, из него вышел бы прекрасный прокуратор; обратившись в христианство, он стал замечательным епископом, непревзойденным пастырем своей эпохи.

Возможно, молодого карфагенского адвоката особенно поразила политическая жизнь Империи, годы анархии, постоянные военные перевороты, словно в какой-нибудь теперешней латиноамериканской республике. Он мог заметить, что только римская администрация, соблюдение порядка и иерархии еще удерживали на плаву тонущую Империю.

Киприан родился в Африке, предположительно в Карфагене, в начале III-го столетия. Родители его были, богатыми язычниками. Он получил обычное по тем временам образование и сделался ритором. Позднее в письмах к Донату он сам признавался, что юность его была не слишком целомудренной, не вдаваясь, однако, в подробности мимолетных увлечений тех лет.

НОВООБРАЩЕННЫЙ

Он был уже известным ритором, когда обратился в христианство при посредстве старого карфагенского священника Цецилия. Тот лишь вложил ему в руки Библию, остальное довершила благодать. Борьба с собой однако нелегко далась этому молодому мирянину, привыкшему к роскошной жизни. Он рассказывал об этом в письме к Донату, послужившем вступлением к «Исповеди»: «Я бродил вслепую в ночной тьме, меня швыряли волны моря житейского, я плыл наудачу, не сознавая своей жизни, чуждый свету и истине. Тогда я был таков, что вера в благость Божию и упование на спасение стоили мне трудов и сомнений. Как же это человек может возродиться для новой жизни крещением в воде живой, преобразиться, расстаться с собой прежним и, не изменившись телесно, изменить душу и жизнь?» (К Донату, 3-4).

Это обращение наделало шуму в Карфагене. Перемена была совершенная и бесповоротная. Киприан ничего никогда не делал наполовину. Он, подобно Оригену, удалился от всего мирского, соблюдал воздержание и читал лишь Писание и Тертуллиана. С тех самых пор он исключил языческих авторов: ни одной цитаты из них мы не находим в его сочинениях.

Киприан раздал почти все свое имущество бедным и принял крещение. Карфагенская церковь отнеслась к нему по-особому: он был рукоположен в конце 248 или в начале 249 г. и избран городским епископом «присуждением Господним и решением народным». Предпочтя его множеству священников, народ рассудил правильно. По всему, он был предназначен первенствовать: прозорливый и сдержанный, снисходительный и твердый, к тому же качества предстоятеля соединялись в нем с любовью к Церкви. Он сразу занялся укреплением дисциплины и реформой нравов. Но его пастырская деятельность была оборвана свирепым гонением императора Деция уже в первые месяцы 250 г.

ЕПИСКОП В ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

Это было потрясением. Во времена затишья и безопасности обратились многие. Немало неопитов из купцов и чиновников вели прежнюю беззаботную жизнь. В среде случайных христиан началась паника, и они поспешили к жертве в Капитолий, не дожидаясь, пока их туда погонят. Именитые граждане волокли за собой рабов и колонов, женатых - с женами, стариков с малыми детьми. Шли туда и священники, и епископы. Ловкачи ухитрились не приносить жертвы, а обзавестись свидетельствами о благонадежности.

Тем временем епископ укрылся в окрестностях Карфагена, заботливо опекая свою паству. До нас дошло около двадцати его писем того времени. Это выжидание длилось около четырнадцати месяцев; в Риме и в Карфагене к этому отнеслись недоброжелательно. В письмах он оправдывает свое поведение.

Возвратившись, он принялся улаживать трудные дела. Во время гонений многие отступились от христианства. Те, у кого было неспокойно на сердце, искали возвращения к Церкви без особенного покаяния. Другие предъявляли свидетельства о благонадежности и надеялись на скидку.

Мягкий в обхождении, Киприан в серьезных случаях был несгибаем и даже суров. Он отлучил от церкви главарей оппозиции - недовольных священников, сгруппировавшихся вокруг мирянина, некоего Фелиссимуса, и наложил на отступников тяжелое покаяние, сообразное провинности. Собор утвердил решения Киприана.

Африканских христиан ожидали новые испытания: в ответ на массовые похищения нумидийских братьев по вере епископ организовал сбор средств для их выкупа; началась эпидемия, виновниками которой считали христиан. И снова епископ не только поддерживал в народе мужество, но и призвал помогать страждущим без различия вероисповедания, чем снискал уважение многих язычников. От тех времен до нас дошла книга «О смертности», где стоицизм, заставляющий вспомнить «Чуму» Камю, дополнен христианским упованием тех, кто желал «скорее воссоединиться с Христом».

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», продолжение, начало в №1-2006.

На иллюстрации - руины Карфагена.

** Автор книги, как католик, разделяет веру в примат римского епископа.



Последние его годы были омрачены раздорами с папой Евтихием по поводу крещения, совершенного еретиками. Киприан, вслед за Тертуллианом, не признавал в этом вопросе никаких уступок и вместе с епископами Малой Азии объявил такое крещение недействительным. Он созвал собор, и тот утвердил африканский обычай повторного крещения обращенных еретиков. Престиж епископа возрастал, ему несколько раз приходилось вершить третейский суд в испанских и галльских делах. Взоры всего Запада были обращены к Карфагену, как столетием позже - к Гиппону.

Спорный вопрос о крещении еретиков показался папе удачным случаем для утверждения примата римской епархии. Он был провозглашен без малейших обиняков. Папа противопоставил африканским доводам римскую традицию как вселенскую. Отрывистая команда из Рима пришлась не по нраву африканцам. Киприан созвал новый синод. С дипломатическим тактом председательствовавший карфагенский епископ призвал собратий свободно высказывать свои мнения. «Каждый из нас в свою очередь выскажет соображения об этом деле, не притязая ни на осуждение, ни на отлучение тех, кто с ним несогласен». Здесь явный намек на римское самовластие.

Смерть папы Евтихия, а затем мученическая кончина Киприана положили конец раздорам, которые могли обернуться бедой. Пока они длились, Киприан переживал конфликт между чувством и долгом. Он признавал, что «престол Петра есть краеугольный камень единения свящества», то есть всеединства Церкви**. Он считал символическим выражением церковного единства бесповное облачение и слияние пшеничных зерен и виноградных гроздий в хлебе и вине причастия. Но во имя единства Церкви, которое он ставил превыше всего, он утверждал единую веру и единое крещение, совершаемое Церковью, ибо лишь она есть избраница Христова.

Не меньшее значение, чем сами принципы, имело для Киприана проведение их в жизнь. Владыка и поборник порядка, он настаивал на уважении к людям, и ему претило голое администрирование, низводящее Церковь до уровня мирского сообщества.

СОЧИНЕНИЯ

Литературное наследие Киприана обширно. В нем скорее сказывается пастырь, озабоченный своей ответственностью, нежели сочинитель, пекущийся о литературном имени. В письменной форме он продолжал свои устные наставления и проповеди: его стихией было живое слово. Труды его представляют собой трактаты по спорным вопросам религиозной и духовной дисциплины.

Наиболее важное из его теологических сочинений - трактат «О единстве Церкви». Это первый подобный трактат в церковной истории. Суждение Киприана, как говорится, о двух концах и по-разному заострено в двух равно аутентичных изданиях трактата: с одной стороны, он поборник единства Церкви, предполагающего нерушимое единение епископатов с Римским престолом; с другой, он утверждает епископство как реальную основу церковного единства, т. е. как бы выступает сторонником принципа епископальности. Лишь со временем удалось примирить оба эти положения и снять двусмысленность. И все же в некоторых особых случаях принцип властной централизации вступал в противоречие с африканским стремлением к самостоятельности.

В двух томах «Свидетельств» Киприан сделал обширную выборку библейских текстов, надобных для наставления в вере, и тем подтвердил свое основательное знакомство с Писанием. Изобрел этот жанр, правда, не он, но он блистательно им воспользовался. Как и для Оригена, Библия была для него настольной, главной книгой. Он неизменно обращается к слову Божию в поисках просветления, уразумения, вдохновения на борьбу.

Трактаты Киприана чаще всего принадлежат к жанру пастырских посланий, речь в них идет о дисциплине или о духовной жизни. В одной из книг разбирается вопрос об отпавших, об отступниках (lapsi). Он постоянно напоминает о долге подаяния, о милосердии, призванном смягчать социальную несправедливость. В одном из сочинений Киприан корит знатную матрону, которая явилась к мессе и ничего не пожертвовала на бедных: «Глаза твои не видят нуждающихся и бедняков, ибо они застланы непроницаемым мраком; ты благополучна и богата и думаешь соучаствовать в вечере Господней, не озаботившись приношением. Ты идешь к мессе с пустыми руками и покушаешься на ту долю искупительной жертвы, которая принадлежит неимущим» («О милостыне», 17).

Подобно Тертуллиану, епископ карфагенский пекся о девственницах, посвятивших жизнь Христу. В трактате «Об одеянии девиц» он воспрещал им кокетство, украшения, румяна, окраску волос, присутствие на брачных пирах, чреватых распутством, хождение в публичные смешанные бани. Другими словами, он призывал их неусыпно хранить свою добродетель и никогда не быть во искушение другим. Здесь проявились характерное для него чувство меры, стыдливость, сдержанность. Идя по стопам Тертуллиана, он, в отличие от него, не впадал в излишества и писал с тем тактом, который предвещает Амвросия.

Кое-где он следует за Тертуллианом шаг в шаг. Он ничуть не скрывал этой зависимости, даже подчеркивал ее, когда писал о молитве, о терпении, о мученичестве или о смерти. Перед Учителем он преклоняется вплоть до полного самоуничтожения. Эта зависимость не мешает, однако, проявлению его собственных качеств: тонкой наблюдательности, пастырского чутья, умного милосердия. Он куда менее оригинален, чем Тертуллиан, зато ближе к духу Писания.

Язык Киприана - классический до изысканности. Отказавшись от многого, он не счел нужным отказываться от изящества формы. Ему, правда, не хватает той живости, какой отличаются сочинения Тертуллиана, его теологические соображения несколько монотонны; пастырский талант в полной мере сказывается лишь когда речь заходит о нравственных и политических вопросах. Он наиболее самобытен в «определении отношений с современной действительностью».

ЛИЧНОСТЬ

Самым естественным способом выражения была для Киприана его переписка. Документ первостепенного значения, она содержит множество бесценных сведений о церковной организации, уставе, богослужении того времени. С ее помощью можно уяснить, как представлял себе Киприан роль и обязанности епископа. В ней нам открывается человек.

Он превозносит устав, видя в нем «охрану надежды, скрепы веры, руководство на пути спасения». Его обеспечивает иерархия. Киприан много пишет о правах епископа, но не забывает и об обязанностях. «Епископ в Церкви и церковь в епископе, и кто без епископа, тот вне Церкви». Он ясно сознавал место христианского люда и законность его вмешательства в дела церковной организации. Он выстроил иерархию, закрепил функции, ввел в обиход африканские соборы. Он был первым во многом.

Киприан не ограничивается общим руководством и обеспечением дисциплины, он заботится обо всех и каждом и прежде всего о бедняках, о вдовах и сиротах, исповедующих христианскую веру. Соборный человек, он любил мир, единство и согласие, ради них он жертвовал и своим самолюбием и даже стремлением к порядку.

Из переписки мы явственно видим, что Киприан не довольствовался лишь изложением возвышенных идей, он превращал свои принципы в руководство к действию. Послания полностью соответствуют его поступкам. Этот правитель был на удивление гармонической личностью, он соединял убежденность с мягкостью, осмотрительность с энтузиазмом, предвидение с практической хваткой. Человек деятельный, он жил мистической жизнью, столь же полно отдаваясь молитве, сколь и реальным делам. Подобно Оригену, он пребывал в состоянии духовного подъема, и предвидение мученичества укрепляло его. В его сочинениях поразительно часто заходит речь о видениях.

Теология и деяния сливаются у Киприана в молитве. Он молится, как верует, с той же заботой о сохранении единства и евангельского одушевления Церкви. При сравнении с Тертуллианом особенно явственно церковная устремленность его молитв.

«Молитва наша публична и совокупна, и, вознося ее, молимся не об одних себе, а обо всем народе христианском, ибо с ним едины. Господь мира и согласия учит нас единению, и Он желал, чтоб каждый молился обо всех, ибо и сам Он свел нас всех воедино». («О воскресной молитве», 8).

Писание Киприана были столь действенны, что о нем при жизни складывались легенды. Богатому прибавится, говорит пословица. Его литературное влияние было велико и на Западе, и на Востоке. Его деятельность стала вехой латинского законодательства. История предала забвению некоторые примеры его непоследовательности и сохранила облик истого мужа Церкви: «Никому не дано назвать Бога Отцом, не назвав Церковь матерью», - это слова Киприана, и их не устают повторять.

Вскоре его начали путать с магом Киприаном, и таким образом зародился отдаленный прообраз доктора Фауста. Главнейшее же свидетельство, которое он нам оставил, - его мученичество.

МУЧЕНИК

В августе 257 г. император Валериан издал новый указ о преследовании христиан. Киприану было предложено принести жертву. Он отказался и был сослан в городок Курубис, где провел около года, продолжая опекать свою епархию, рассылать единоверцам утешительные послания и оказывать материальную поддержку, о которой он в своем деятельном милосердии никогда не забывал. Он готовился принять мученическую смерть, ибо в видении, говорил он, ему открылось, что он будет обезглавлен.

Через год вышел новый императорский указ, еще суровее прежнего. Киприана призвали в Карфаген. Он явился туда, лишь когда в город возвратился проконсул. Ибо, писал он со свойственной ему весомостью, «подобает, дабы епископ исповедовал Господа в главном городе своей епархии и оставил народу своему память о своем исповедании». Он готовился к смерти с той же мужественной прямоотой, какую являл всей своей жизнью.

Когда верующие узнали о прибытии их епископа, они окружили его дом. Киприан со своим обычным тактом потребовал лишь, чтобы из толпы увели девушек, дабы им не подвергаться оскорблениям солдат. Последняя ночь перед судилищем протекла в неуспешном бдении, словно над телом мученика. Наутро епископ предстал перед проконсулом. Сохранилась запись разбирательства, краткая и полновесная.

«Ты ли Фасций Киприан?»

«Да, это я».

«Ты ли здешний папа этих святотатцев?»

«Да».

«Божественные императоры повелели всем принести жертву».

«Я это знаю».

«Обдумай».

«Делай, что тебе приказано, обдумывать тут нечего».

Проконсул поразмыслил и вынес приговор:

«Повелеваем, дабы Фасций Киприан был предан смерти путем отсечения головы».

«Благодарение Богу, Deo gratias», - отвечивал мученик.

Осужденного тут же повели к месту казни. Он снял плащ, затем мантию, препоручив ее диаконам. Оставшись лишь в льняной тунике, он преклонил колена и погрузился в долгую молитву. Он по-царски одарил палача двадцатью пятью золотыми монетами. Он сам наложил и туго стянул наглазную повязку и, в знак последней покорности дав диакону и священнику связать себе руки, принял смертельный удар.

Это было 14 сентября 258 года. Почитание его тут же распространилось по всей Африке: чтли одного из замечательнейших епископов Христовой Церкви. Долгие века он оставался небесным покровителем Африки. В Карфагене ему было посвящено несколько храмов. До нас дошли проповеди св. Августина на празднествах в честь знаменитого карфагенца.

Киприан напоминает иных епископов новых времен, например, Салиция или фон Галена, он из тех железных натур, которые всегда как бы без усилия остаются на высоте своего положения. Их можно пригнуть, но не сломить. Они величественны и в драматический момент тяжких испытаний и на равнине повседневного бытия. Они героичны без надрыда, когда требуется героизм, - так проявляется нерушимое благородство их духа. Лишь смерть дает нам истинное представление об их жизни.

Христианин молится всегда как член общины, собранной единым Отцом. Даже в одиночестве он не теряет связи с братьями - чтобы увериться в этом, ему достаточно произнести слова молитвы Господней.

ДА БУДЕТ МОЛИТВА НАША ОТКРЫТОЙ И СОВОКУПНОЙ

И прежде всего наш наставник в делах мира и единства не желал, чтобы мы молились в одиночку и порознь, дабы молящийся не о себе лишь молился. Мы не говорим: Отец Мой, иже еси на небесах; не говорим: хлеб мой насыщенный даждь мне днесь. И никто не молится о себе, чтобы Бог оставил ему долги его, не вводил его во искушение и избавил его от лукавого.

Молитва наша открыта и совокупна и, вознося мольбу, молимся не об одних себе, а обо всем народе христианском, ибо с ним со всем едины. Господь мира и согласия учит нас единению, и Он желал, чтоб каждый молился обо всех, как и сам Он свел нас всех воедино.

Трое отроков в огненной печи блюли этот закон молитвы, и были в молитве своей едины, и она исторгалась из единого сердца. Писание свидетельствует об этом и в повествовании о том, как они молились, дает нам образец, дабы мы знали, какова должна быть наша молитва. Мольба их была крепким и действенным, ибо смиренная, простая и одухотворенная молитва угодна Богу. «Все они, - сказано нам (Деян 1, 14), - единодушно пребывали в молитве и мольбе, с некоторыми женами и Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его».

Единодушно они пребывали в молитве, из чего явствует и их рвение, и единство. Ибо Господь, собирая единодушных в доме Своем, введет в свои предвечные небесные обители лишь тех, кто молился совокупно, заодно с другими.

Мы говорим «Отец», Ибо все соделались сынами Его.

Сколь велики и многообразны сокровища молитвы Господней. В немногих словах они собраны, но пища духовная в них неистощима, и ни в чем нет недостатка духу, впитывающему небесное вероучение из завещанной нам молитвы. Ибо сказано: «Молитесь же так: Отче наш, Иже еси на небесах».

Новый человек, который возродился и пришел к Богу своему силою благодати, говорит от начала: Отец, ибо соделался сыном. «Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими». (Ин 1, 11-12). И называя Отцом Господа, иже на небесах, всякий тем удостоверяет, что отрывается от своего отца земного, по плоти, которому обязан первым рождением, и ведает отныне лишь единого Отца, иже на небесах. Сказано же так: «Который говорит об отце своем и матери своей: «я на них не смотрю», и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает... слова Твои хранят, и завет Твой соблюдают» (Втор 33, 9).

Сам Господь предписал нам в Евангелии не называть никого на земле нашим отцом, ибо имеем единого Отца, иже на небесах. Ученику, что упомянул о своем умершем отце, Он отвечивал: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8, 22). Ибо ученик говорил об умершем отце, а Отец уверовавших жив.

СРЕДИ МЕССОПОТАМСКОЙ КЛИНОПИСИ УДАЛОСЬ ОБНАРУЖИТЬ БИБЛЕЙСКИЕ ИМЕНА *

Звуки ничем не сдерживаемого восторга редко оглашают тишину Сводчатого зала Британского музея, где собрана коллекция 130 тысяч ассирийских клинописных табличек, возраст которых доходит до 5 тысяч лет.

Однако Майкл Юрса, приглашенный профессор из Вены, издал именно такой крик в прошлый четверг.

Исследуя вавилонские финансовые счета среди этих табличек, профессор Юрса неожиданно наткнулся на имя, которое показалось ему смутно знакомым – Набу-шаруссу-укин, которого в этом документе, возраст которого 2 500 лет, называли “главным евнухом” Навуходоносора II, царя Вавилонского.

Профессор Юрса, специалист по Ассирии, сверился с Ветхим Заветом, и здесь в главе 39 Книги Иеремии нашел то же имя в другом написании – Сарсехим (Небо-Сарсеким в английском варианте перевода Библии).

Сарсехим, по книге Иеремии, был “начальником евнухов” Навуходоносора, и был с ним во время осады Иерусалима в 587 году до н.э., когда вавилоняне захватили город.

Небольшая табличка размером с “пачку сигарет на 10 штук”, как говорит Ирвинг Финкель, эксперт Британского музея, является счетом-распиской, подтверждающим, что Набу-шаруссу-укин заплатил 75 кг золота вавилонскому храму.

Табличка датируется 10-м годом правления Навуходоносора II, 595 годом до н.э., за 12 лет до осады Иерусалима.

Свидетельства из не-библейских источников в отношении людей, упомянутых в Библии, не являются чем-то невиданным, но Набу-шаруссу-укин был бы сравнительно незначительной фигурой. (...)

Клинопись – старейшая из известных форм письменности, которая часто использовалась на Ближнем Востоке, начиная с 3200 года до н.э. и заканчивая вторым веком нашей эры. Обычно для такого письма использовался острый инструмент, обычно клинышек, которым делали отметки на влажной глине.

Полный перевод содержимого таблички выглядит так: “(Касательно) 1,5 мин (0,75 кг) золота, собственности Набу-шаруссу-укина, главного евнуха, которые он отправил через Арад-Баниту, евнуха, в храм Эсангила: Арад-Баниту доставил золото в храм Эсангила. В присутствии Бел-Усата, сына Алпайи, королевского телохранителя, и Надина, сына Мардук-зер-ибни. Месяц XI, день 18, год 10 от начала правления Навуходоносора, царя Вавилонского.

*В сокращении по <http://lenta.ru>

В КИЕВЕ НА ПЕВЧЕСКОМ ПОЛЕ ПРОШЕЛ РОК- КОНЦЕРТ ПОСВЯЩЕННЫЙ КРЕЩЕНИЮ РУСИ

“День Крещения Руси - самый первый праздник” - плакаты с такими словами были расклеены по всему Киеву уже за две недели до самого праздника, который назначили на воскресенье, 12 августа на Певческом поле. Это природный амфитеатр, расположенный возле Киево-Печерской лавры. Место известно всей киевской молодежи - именно здесь проходил популярный фестиваль “Країна мрій”

Во весь рост с сияющим крестом - точно такая же как на плакатах - фигура святого Владимира была расположена слева от сцены, а справа - крупнейшее изображение Богородицы с Младенцем. Именно поэтому выступление церковного хора и небольшая проповедь киевского митрополита воспринимались молодежью вполне спокойно - все были готовы к тому, что на концерте в честь церковного праздника будет что-то церковное.

На подходе к певческому полю молодые ребята раздавали брошюры о том, во что веруют православные, напечатанные на украинском языке специально к этому празднику.

Выступления в “живом звуке” групп “ДДТ”, “Братья Карамазовы”, Нино Катамадзе и др. перемежались с выступлениями диакона Андрея Кураева и о. Андрея Ткачева, также были показаны мультипликационные сюжеты, раскрывающие содержание праздника.

Церковная составляющая, по свидетельству очевидцев, не во всем была удачна: порой казалось, что выступающие излишне эпатируют и заигрывают с аудиторией. Но так или иначе, этот почин многие сочли удачным: “По моему, на этом концерте не прозвучало ни одной пошлой песни”, - подытожил свое выступление и выступления всех Юрий Шевчук.

Демонская твердыня (о гордости)*

(...) Откуда же берется эта страсть? Как она начинается? Чем питается? Какие ступени проходит в своем развитии? По каким признакам можно узнать ее?

Последнее особенно важно, так как гордый обычно не видит своего греха. Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился: а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!»

Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это все — несомненно признаки гордости.

Об этом прекрасно пишет Симеон Новый Богослов: «Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болеет от этого сердцем, о том человеке ведомо да будет, что он носит древнего змия (гордость) в недрах своих. Если он станет молча переносить обиды, то сделает змия этого немощным и расслабленным. А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то придаст силы змию излить яд в сердце его и немилосердно пожирять внутренности его».

В «Слове на язычников» Св. Афанасия Великого есть такое место: «Люди впади в самовожделение, предпочтя собственное созерцанию божественному» (Творения, т. 1, стр. 8, М., изд. 1851 г.). В этом кратком определении вскрыта самая сущность гордости: человек, для которого доселе центром и предметом вождения был Бог, отвернулся от Него, «впал в само-вождение», восхотел и возлюбил себя больше Бога, предпочел божественному созерцанию — созерцание самого себя.

В нашей жизни это обращение к «самосозерцанию» и «самовожделению» сделалось нашей природой и проявляется хотя бы в виде могучего инстинкта самосохранения, как в телесной, так и в душевной нашей жизни.

Как злокачественная опухоль часто начинается с ушиба или продолжительного раздражения определенного места, так и болезнь гордости часто начинается или от внезапного потрясения души (например, большим горем), или от продолжительного личного самочувствия, вследствие, например, успеха, удаче, постоянного упражнения своего таланта.

Часто это — так называемый «темпераментный» человек, «увлекающийся», «страстный», талантливый. Это — своего рода извергающийся гейзер, своей непрерывной активностью мешающий и Богу, и людям подойти к нему. Он полон, поглощен, упоен собой. Он ничего не видит и не чувствует, кроме своего горения, таланта, которым наслаждается, от которого получает полное счастье и удовлетворение. Едва ли можно сделать что-нибудь с такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулкан не погаснет. В этом опасность всякой одаренности, всякого таланта. Эти качества должны быть уравновешены полной, глубокой духовностью.

В случаях обратных, в переживаниях горя — тот же результат: человек «поглощен» своим горем, окружающий мир тускнеет и меркнет в его глазах; он ни о чем не может ни думать, ни говорить, кроме, как о своем горе; он живет им, он держится за него, в конце концов, как за единственное, что у него осталось, как за единственный смысл своей жизни. Ведь есть же люди. «которые в самом чувстве собственного унижения посягнули отыскать наслаждение» (Достоевский, «Записки из подполья»).

Часто эта обращенность на себя развивается у людей тихих, покорных, молчаливых, у которых с детства подавлялась их личная жизнь, и эта «подавленная субъективность порождает, как компенсацию, эгоцентрическую тенденцию (Юнг, «Психологические типы»), в самых разнообразных проявлениях: обидчивость, мнительность, кокетство, желание обратить на себя внимание даже поддержанием и раздуванием дурных о себе слухов, наконец, даже в виде прямых психозов характера навязчивых идей, манией преследования или манией величия (Попприцин у Гоголя).

Итак, сосредоточенность на себе уводит человека от мира и от Бога; он, так сказать, отщепляется от общего ствола мироздания и обращается в стружку, завитую вокруг пустого места.

Попробуем наметить главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели.

Вначале это только занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошим настроением, переходящим часто в легкомыслие. Человек доволен собой, часто хохочет, пошастывает, напеваает, прищелкивает пальцами. Любит казаться оригинальным, поражать парадоксами, острить; проявляет особые вкусы, капризы в еде. Охотно дает советы и вмешивается по-дружески в чужие дела; невольно обнаруживает свой исключительный интерес к себе такими фразами (перебивая чужую речь): «нет, что я вам расскажу», или «нет, я знаю лучше случай», или «у меня обыкновение...», или «я придерживаюсь правила...», «я имею привычку предпочитать» (у Тургенева).

Говоря о чужом горе, бессознательно говорят о себе: «Я так была потрясена, до сих пор не могу прийти в себя». Одновременно, огромная зависимость от чужого одобрения, в зависимости от которого человек то внезапно расцветает, то вянет и «скидает». Но в общем, в этой стадии настроение остается светлым. Этот вид эгоцентризма очень свойственен юности, хотя встречается и в зрелом возрасте.

Счастье человеку, если на этой стадии встретят его серьезные заботы, особенно о других (женитьба, семья), работа, труд. Или пленит его религиозный путь, и он, привлеченный красотой духовного подвига, увидит свою нищету и убожество и возжелает благодатной помощи. Если этого не случится, болезнь развивается дальше.

Является искренняя уверенность в своем превосходстве. Часто это выражается в неудержимом многословии. Ведь что такое болтливость, как, с одной стороны, отсутствие скромности, а с другой — самоуслаждение примитивным процессом самообнаружения. Эгоистическая природа многословия ничуть не уменьшается от того, что это многословие иногда на серьезную тему: гордый человек может толковать о смирении и молчании, проповедать пост, дебатировать вопрос — что выше — добрые дела или молитва.

Уверенность в себе быстро переходит в страсть командования; он посягает на чужую волю (не вынося ни малейшего посягания на свою) распоряжается чужим вниманием, временем, силами, становится нагл и нахален. Свое дело — важно, чужое — пустяки. Он берется за все, во все вмешивается.

На этой стадии настроение гордого портится. В своей агрессивности он, естественно, встречает противодействие и отпор; является раздражительность, упрямство, сварливость; он убежден, что его никто не понимает, даже его духовник; столкновения с «миром» обостряются, и гордец окончательно делает выбор: «я» против людей, но еще не против Бога.

Душа становится темной и холодной, в ней поселяется надменность, презрение, злоба, ненависть. Помрачается ум, различение добра и зла делается спутанным, так как оно заменяется различением «моего» и «не моего». Он выходит из всякого повиновения, невыносимо во всяком обществе; его цель — вести свою линию, посрамить, поразить других; он жадно ищет известности, хотя бы скандальной, мстя этим миру за непризнание и беря у него реванш. Если он монах, то бросает монастырь, где ему все невыносимо, и

ищет собственных путей. Иногда эта сила самоутверждения направлена на материальное стяжание, карьеру, общественную и политическую деятельность, иногда, если есть талант — на творчество, и тут гордец может иметь, благодаря своему напору, некоторые победы. На этой же почве создаются расколы и ереси.

Наконец, на последней ступеньке, человек разрывает и с Богом. Если раньше он делал грех из озорства и бунта, то теперь разрешает себе все: грех его не мучит, он делается его привычкой; если в этой стадии ему может быть легко, то ему легко с диаволом и на темных путях. Состояние души мрачное, беспросветное, одиночество полное, но вместе с тем искреннее убеждение в правоте своего пути и чувство полной безопасности, в то время как черные крылья мчат его к гибели.

Собственно говоря, такое состояние мало чем отличается от помешательства.

Гордый — и в этой жизни пребывает в состоянии полной изоляции (тьма крошечная). Посмотреть, как он беседует, спорит: он или вовсе не слышит того, что ему говорят, или слышит только то, что совпадает его взглядами; если же ему говорят что-либо, несогласное с его мнениями, он злится, как от личной обиды, издевается и яростно отрицает. В окружающих он видит только те свойства, которые он сам им навязал, так что даже в похвалах своих он остается гордым, в себе замкнутым, непроницаемым для объективного.

Характерно, что наиболее распространенные формы душевной болезни — мания величия и мания преследования — прямо вытекают из «повышенного самоощущения» и совершенно немыслимы для смиренных, простых, забывающих себя людей. Ведь и психиатры считают, что к душевной болезни (паранойя) ведут, главным образом, преувеличенное чувство собственной личности, враждебное отношение к людям, потеря нормальной способности приспособления, извращенность суждений. Классический параноик никогда не критикует себя, он всегда прав в своих глазах и остро недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни.

Вот где выясняется глубина определения преп. Иоанна Лествичника: «Гордость есть крайнее души убожество». Гордый терпит поражение на всех фронтах:

Психологически — тоска, мрак, бесплодие.

Морально — одиночество, иссякание любви, злоба.

С богословской точки зрения — смерть души, предвещающая смерть телесную, геенна еще при жизни.

Гносеологически — солипсизм.

Физиологически и патологически — нервная и душевная болезнь.

В заключение естественно поставить вопрос: как бороться с болезнью, что противопоставить гибели, угрожающей идущим по этому пути?

Ответ вытекает из сущности вопроса — смирение, послушание объективному; послушание, по ступенькам — любимым людям, близким, законом мира, объективной правде, красоте, всему доброму в нас и вне нас, послушание Закону Божию, наконец — послушание Церкви, ее уставам, ее заповедям, ее таинственным воздействиям.

А для этого-то, что стоит в начале христианского пути: «Кто хочет идти за Мною, пусть отвержется себя».

Да отвержется, ... да отвергается каждый день; пусть каждый день — как стоит в древнейших рукописях — берет человек свой крест — крест терпения обид, поставления себя на последнее место, пронесения огорчений и болезней и молчаливого принятия поношения, полного безоговорочного послушания — немедленного, добровольного, радостного, бесстрашного, постоянного.

И тогда ему откроется путь в царство покоя, «глубочайшего смиренномудрия, все страсти истребляющего».

Богу нашему, «Который гордым противится, а смиренным дает благодать», — слава.

*Глава из книги «Записи», текст приведен в сокращении. □

Из дневников протопр. Александра Шмемана

Среда, 9 июня 1976

(...) Три религиозные "реальности":

Религия закона - "нравственных устоев общества".

Религия "помощи" и "священности" - от духовной помощи до терапии.

Религия Царства Божьего.

Последняя может - преобразая их - вместить две первые. Эти две, однако, отрицают (бессознательно - из-за общей "терминологии" и "символов") последнюю.

Суббота, 1 ноября 1975

(...) «Проблема» М., «проблема» С., «проблема» А., «проблема» С.М., «проблема» матушки Х.: как им дать понять, что никаких «рецептов» и «решений» у меня нет, что это мучительное искание «помощи» есть вид бегства от себя, от жизни, от совести, от решения.

Думая вчера о длиннейшем последнем разговоре с С.М., мне показалось, что, может быть, схему «внутреннего устройства» можно было бы представить в некоей опять-таки «триединой» интуиции, в постоянном хранении даже не сознанием, а именно нутром, душой следующих «отнесенностей»:

«Космическая» - это само чувство *жизни* здесь и сейчас, это хранение душой общения с космосом: природа, «это» время, свет, сам во всем этом. Это обратное - отделению, отчужденности, изоляции. Мир - как постоянно даруемый и постоянно принимаемый дар. Благодарность. Радость. И в этом смысле - сама жизнь как молитва.

«Историческая». Это - внутренняя отнесенность к своему *делу, месту, призванию*; это послушание, смирение, готовность, знание опасности, искушений, борьбы, «блюдите како опасно ходите». Тут молитва о помощи, молитва-экзорцизм, молитва-прояснение («дай силу принять...»).

И, наконец, «эсхатологическая». Отнесенность к последнему, к взыскуемому и ожидаемому: «Да придет Царствие Твое...»

Мне думается, что если суметь действительно жить этим «триединством», то в нем и разрешение «проблем», которые все - либо от выпадения одной из «отнесенностей», либо от их «извращения». Но если вера наша - космична, исторична и эсхатологична, то таковой же должна быть и наша «духовность». Соединяет же эти три в одно *Христос*, ибо «отнесенность» и есть «узнавание» в каждом из этих даров Христа, «модуса» Его явления нам и пребывания с нами. Все почувствовать, принять и пережить как Его икону (символ, знак). «Удостоверяется» же это все Евхаристией (то есть Церковью).

Все же это возможно потому, что *так оно и есть*.